

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. Быкова

**К ИССЛЕДОВАНИЮ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ЭФФЕКТИВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ
КОММУНИКАЦИЮ
(НА МАТЕРИАЛАХ 2011–2012 гг.)**

Препринт WP14/2013/06

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2013

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»

М.Ю. Урнов

Быкова, В. А. К исследованию возможностей трансформации протестного движения в эффективную политическую коммуникацию (на материалах 2011–2012 гг.) [Электронный ресурс] : препринт WP14/2013/06 / В. А. Быкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (300 КБ). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 25 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»).

В статье рассматриваются события «митингового квартала» декабря 2011 – мая 2012 гг. в Москве с точки зрения коммуникативной теории политического действия. Для того чтобы выяснить, стоит ли за ними запрос на новый тип политической коммуникации и гражданского действия, автор использует концепцию коммуникативной демократии Ю. Хабермаса.

Операционализация этого концептуального аппарата позволяет выделить параметры общества, ориентированного на политический диалог. Ему присущи такие особенности, как освоение людьми новых политических пространств, действия в условиях радикальной неопределенности, понимание важности социальных и культурных различий при сохранении гражданской общности, возникновение новых механизмов легитимности.

В качестве примеров используются как новые для России формы политической активности (например, оппозиционные лагеря Окупай), так и традиционные, массовые митинги оппозиции. Первичный анализ дискурса и поведения участников митингов года с точки зрения коммуникативной теории показывает, что спрос на продуктивный политический диалог чрезвычайно низок.

Ключевые слова: протестное движение, политическая коммуникация, коммуникативная демократия

Bykova, V. A. Is it possible to transform the protest movement of 2011–2012 into the effective political communication? [Electronic resource] : Working paper WP14/2013/06 / V. A. Bykova; National Research University “Higher School of Economics”. – Electronic text data (300 KB). – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 25 p. – (Series WP14 «Political Theory and Political Analysis») (in Russian).

The paper applies the communicative theory of democracy to the protest surge between December 2011 and May 2012 in Moscow. The author investigates whether the protests indicate that there is a demand for a new type of political communication and civic action in the contemporary Russia.

Several features characterize society based on political dialogue. They are the new spaces of politics, policy-making under radical uncertainty, importance of difference for understanding politics, acting upon interdependence, new dynamic of trust and identity.

In the paper, I look both at the new forms of political activism in Russia (i.e., the Occupy camp in Moscow), and at the more traditional forms of street protest, which attracted extremely large number of people during the period studied. The analysis of the discourse and behavior of participants shows that there is little demand for the productive political dialogue among them.

Keywords: Protest movement, political communication, communicative democracy

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Быкова В. А., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

Отсутствие массовой уличной политики в России на протяжении последних 20 лет закончилось «митинговым кварталом» декабря 2011 – мая 2012 г., вновь поставившим вопрос о целях политического действия. Это относится как к новым для России формам политической активности (например, оппозиционные лагеря Окупай), так и к традиционным формам, вновь проявившим себя в массовой форме – в виде митингов оппозиции. Для того чтобы выяснить, стоит ли за этим запрос на новый тип политической коммуникации и гражданского действия, мы предлагаем использовать концепцию коммуникативной демократии Юргена Хабермаса, операционализация которой позволяет выделить параметры общества, ориентированного на диалог в политической сфере. Первичный анализ дискурса и поведения участников митингов конца 2011 – начала 2012 г. показывает, что спрос на продуктивный политической диалог низок.

Нас 99 процентов

Исходный вопрос при анализе природы подъема оппозиционного движения в России может заключаться в следующем: есть ли специфика у развитых форм российской протестной активности, которой можно объяснить то, что они носили единовременный характер и не стали воспроизводящейся моделью политического поведения? Этот вопрос вновь и вновь актуализируется сообщениями о новых столкновениях демонстрантов с полицией. В июне 2013 г. такие новости приходили из Турции и Бразилии... Кто следующий? В России тоже происходят события, которые могут послужить точкой прорыва, к примеру, суд по «Болотному делу» против задержанных в ходе прошлогодних митингов за сопротивление полиции. Однако накануне суда в одиночные пикеты в Москве вышли не более 30–40 человек¹. Так уходит ли протестное движение «в ноль», или у него есть потенциал, в том числе – широкой общественной поддержки?

Пиком российского протеста, его наибольшим приближением по целям и формам работы к мировым образцам, характеризующим развитые демократии, называют российский Окупай – ОкупайАбай. Действительно, по ряду характеристик российский палаточный лагерь оппозиции может считаться выражающим мировой тренд середины – конца 2011 г. Впрочем, были и различия.

Движение Окупай 2011 г. было заметным событием в мировой политической жизни и описано уже довольно хорошо. Тактика разворачивания уличных лагерей для демонстрации

¹ Пикеты проходили 5 мая 2013 г. на центральных улицах города. Организаторы заявляли число участников в 129 человек, на деле на пикеты вышло в разы меньше людей.
<http://www.kasparov.ru/material.php?id=51AF72B066E76§ion_id=43452BF16C997>

протеста из США в сентябре 2011 г. была перенята активистами как в Европе, так и в Азии. Наблюдатели событий Окупая в разных странах отмечали, что массовый характер движения определен не одними только текущими проблемами. Хронологически в большинстве стран, где происходили акции Окупай, они состоялись с середины сентября до конца 2011 г. Судьба движения в активной фазе сложилась примерно одинаково: лагеря протестующих были удалены с тех мест, которые самовольно занимали, постановлениями соответствующих органов власти при участии сил правопорядка.

Цели Окупай были связаны с идеями смягчения экономического неравенства, необходимости новой политики для нужд преодоления экономических проблем. Однако не менее важной частью движения можно назвать антипрезентационную стратегию, проявляющуюся в соответствующей риторике. Движение позиционировалось блоком, объединяющим в себе людей из совершенно разных слоев общества, его разных расовых, культурных, религиозных и социоэкономических подгрупп. Широко известный лозунг «Нас 99%» трактовался как обозначение существующего социополитического единства, которое определяет само себя в качестве оппозиции одному проценту².

Лозунг «Нас 99%» и отсутствие списка требований на первом этапе стимулировали проявления политического участия у различных групп, что позволило расширить социальную базу движения. В период существования лагерей движение пользовалось поддержкой со стороны местных органов власти³, со стороны бизнес-сообщества также высказывались мнения о роли движения в том, чтобы взглянуть на политику по-новому⁴.

Джеймс Миллер, профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк) считает моделью протестного действия, используемой в ходе Окупая, демократию участия⁵, с ее ценностями группового принятия решений, т.е. не через выборных представителей, а через обсуждение и достижение консенсуса. В качестве прошлых примеров реализации демократии участия Миллер говорит о протестах «новых левых» в 1960-х и массовых волнениях в 1968 г., также нацеленных на реформатирование политики. Пределы эффективности этого движения показала попытка расширения своих принципов на большие группы людей и широкой круг вопросов. Реализация принципов демократии участия потребовала больше временных, материальных ресурсов и персонального включения в сравнении с традиционными

² Deseriis M., Dean J. A Movement Without Demands? <<http://www.possible-futures.org/2012/01/03/a-movement-without-demands>>

³ Городской Совет Лос-Анджелеса выразил поддержку своему Окупаю <http://blogs.laweekly.com/informer/2011/10/city_council_passes_occupy_la_resolution_democrats_unions.php>

⁴ Руководство Банка Англии официально заявило, что протестующие были интеллектуально и морально правы <<http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/banksandfinance/9641806/Occupy-protesters-were-right-says-Bank-of-England-official.html>>

⁵ Miller J. Will Extremists Hijack Occupy Wall Street? // The New York Times. 2011. October 25. <http://www.nytimes.com/2011/10/26/opinion/will-extremists-hijack-occupy-wall-street.html?_r=0>

(партийным представительством, лоббизмом, и даже митинговой активностью), что привело к сворачиванию этих движений. Движение Окупай 2011 г., так же, как и левые активисты 1968 г., ставило целью привлечение внимания к необходимости политической коммуникации, как бы сигнализируя о новой волне «спроса на консенсус». После снятия пикового дефицита на политическую коммуникацию произошло возвращение к более эффективным традиционным формам политического участия.

Российское движение Окупай возникло, когда мировое движение в активной форме было уже прекращено, а также несмотря на то, что конкретные мишени для недовольства определялись местной политикой в большей мере, чем экономикой. Наиболее ярким эпизодом российского «митингового квартала» можно назвать лагерь ОкупайАбай, с его многочисленными ассамблеями и творческими акциями. В методах действий московское движение Окупай было похоже на свои аналоги за рубежом. Прямое полицейское вмешательство, а затем опасение судебных преследований вынудили ряд активистов принять решение покинуть Москву и Россию⁶, сыграли свою роль в локализации как этого лагеря, так и протестных настроений в целом.

6 мая после разгона митинга в день Марша миллионов оппозиционеры продолжили публичные протесты в форме собраний или встреч с депутатами, прошедшими более чем на десятке площадей, бульваров, центральных улиц Москвы. В течение суток силами органов правопорядка, препятствующих несанкционированным собраниям, протест был локализован на Чистопрудном бульваре, где возле памятника Абаю Кунанбаеву был разбит постоянный оппозиционный лагерь. По первым подсчетам, оппозиционный лагерь сразу же собрал около 500 человек; впоследствии число участников менялось, на пике движения в течение дня оно существенно росло, и никогда – ночью, при плохих погодных условиях – лагерь не пустовал, в нем постоянно присутствовали не менее нескольких десятков человек.

Лагерь продержался на своем месте до 16 мая. Жизнь лагеря освещалась посредством фоторепортажей многочисленными активистами в ЖЖ и твиттере. Из этих сообщений стала понятна ориентация протестующих на то, чтобы показать физическое присутствие в обществе тех, кто желает выразить недовольство текущей политикой, при ориентации на ненасилие, просвещение и распространение информации. После разгона лагеря на Чистых прудах оппозиционное движение пыталось найти новое постоянное место на других бульварах. Несмотря на поддержку, которую оппозиционерам были готовы оказать депутаты местного самоуправления, движение нигде не смогло закрепиться надолго. Существование площадки

⁶ Как Анастасия Рыбаченко, активистка Солидарности < http://www.echo.msk.ru/blog/rybachenko_a/1056050-echo>; Александр Долматов из «Другой России» < <http://izvestia.ru/news/543277>>; Михаил Маглов («Солидарность», РПР – ПАРНАС) < <http://www.novayagazeta.ru/politics/55137.html>>. Первые двое официально проходят обвиняемыми по так называемому «Болотному делу».

на Красной Пресне продлилось недолго, предложение депутатов легализовать место «народного гуляния» на Тверском бульваре было перечеркнуто реконструкцией бульвара.

В ходе жизни лагеря его участниками широко подчеркивалась важность равноправной политической коммуникации в реальном пространстве. Они приветствовали лидеров оппозиции (в лагере побывали Яшин, Собчак, Навальный, Немцов, Алексеева и др.), но их визиты оставались для лагеря отдельными событиями. Так же, как и в движении Окупай в других странах, спикеры российского лагеря утверждали, что в нем нет единого лидера, уполномоченного заявлять от имени всех участников политическую позицию. Исследователи из НИИ Митингов, занимающиеся изучением персонального состава участников митингов и лагерей, уверены, что формула «мы пришли сюда не ради вас», обращенная участниками самоорганизованных групп к оппозиционным политикам на сцене митингов, отражала не только актуальное недоверие к институциональной политике в целом, но и ясную претензию части митингующих на самопредставительство⁷.

Чаще на трибуну ассамблеи протестного лагеря поднимались люди, чья публичная поддержка была несравнимо меньше, но обладающие опытом прямого политического действия, организации горизонтальной солидарности. Практические ходы легализации оппозиционного гуляния предлагали политики не федерального уровня – гораздо больше для этого сделали депутаты районного московского самоуправления⁸. Ассамблея – постоянно действующая площадка обсуждения и решения проблем, а также проведения досуга, существовала в лагере с самого его устройства, и сохранялась на других площадках после разгона лагеря на Чистых прудах.

Год спустя основной вопрос все еще связан с тем, смогло ли протестное движение оставить результаты, достаточные для того, чтобы говорить о его влиянии на политический процесс в настоящем и будущем. Имеют ли эти движения разделяемую моральную базу и соответствующие ей принципы действия помимо ситуативной прагматической самоидентификации «прекрасных лиц⁹»? Иными словами, существует ли в России общий спрос на то, чтобы политическое действие основывалось на принципах диалога и консенсуса, достигаемого через коммуникацию общества и государства? Ведь только при наличии такого спроса можно говорить о том, что когда-нибудь он может быть удовлетворен.

⁷ Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 130–163
<http://niimitingov.files.wordpress.com/2013/02/bikbov_fnt.pdf>

⁸ Легализовать протестный лагерь в форме постоянно действующего фестиваля «Лето свободы» пытались депутаты одного из муниципальных собраний Москвы Елена Ткач, Юрий Новиков и Екатерина Калацкая. Неудача этого проекта связана с административным решением о реконструкции бульвара, предложенного в качестве места проведения акции, якобы принятом существенно заранее. До этого в отношении инициативы депутатов было вынесено прокурорское предупреждение – о выходе депутатов за пределы компетенции.

⁹ Прекрасные лица – фраза-мем, обозначающая участников оппозиционных митингов. См.: Бикбов А. Указ. соч.

Общество, готовое к обсуждению

В качестве ключа к разгадке смысла деятельности участников протестного российского движения мы предлагаем протестировать концепцию политического действия как коммуникационного, предложенную Юргеном Хабермасом. Это предложение строится на основе потребности к диалогу как внутри общества, так и с властью, зафиксированной как в ходе ОкупайАбая, так и на оппозиционных митингах 2011, 2012, а теперь уже и 2013 г.

В отличие от стратегического действия, ориентированного на успех, коммуникативное действие ориентировано на достижение взаимопонимания. В первом случае успешность действия измеряется степенью удовлетворения интересов каждого из участников взаимодействия, во втором важна интерпретативная работа, в ходе которой достигается согласие участников действия относительно ситуации и ее последствий. В случае коммуникативного действия для определения его успеха фактора достижения цели недостаточно – здесь играет роль совместное истолкование ситуации, рационально мотивированное одобрение содержания действия¹⁰.

Таким образом, спрос на консенсус мы можем операционализировать через готовность к коммуникации в ходе достижения целей, важность при этом взаимопонимания и согласия, а также через признание проводимой совместно интерпретативной работы в качестве отдельной ценности. В этом ключе наличие спроса на консенсус и заинтересованности граждан в политической коммуникации является индикатором возможной поддержки общественных движений (в том числе оппозиционных форматов, настроенных на конструктивный диалог). В более общем виде это позволит судить о возможности расширения платформы демократии участия и принципов совещательности в России.

Сторонники модели совещательной демократии готовы сформулировать исходные условия, присущие этой форме демократии. Именно с этой целью в начале 2000-х годов голландские ученые Мартин Хайек и Хендрик Вагенаар обозначили ряд аналитических критериев, важных для понимания современной демократической практики¹¹. Именно в новых общественных условиях нам необходим новый политический анализ, чуткий к таким элементам жизни, как интерпретативная работа, практическая ориентированность и совещательность в принятии решений.

¹⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 199–201.

¹¹ Deliberative Policy Analysis. Understanding Governance in the Network Society (Theories of Institutional Design) / ed. by M.A. Hajek, H. Wagenaar. Cambridge University Press, 2003. P. 17.

Интересно, что на концептуальном уровне эти элементы работы политического аналитика тесно перекликаются со схемой, предложенной Юргеном Хабермасом для описания коммуникативного действия сообществ. Так, важность интерпретативной работы голландские ученые определяют тем, что объекты реального (и социального) мира не наделены ценностным содержанием вне мыслительных усилий. Язык играет роль не только и не столько «зеркала реальности», сколько ее конструктора, поэтому и ученые должны больше стремиться к тому, чтобы искать для новых социальных и политических феноменов новые объяснительные схемы, а не подстраивать их под популярные идеи. Практическая ориентированность сетевого общества заключается в том, что знания и инновации могут распространяться в нем не только «сверху вниз», от интеллектуалов, людей книжной культуры, в массы. Напротив, они зарождаются внутри общества, что позволяет преодолеть разрыв между теоретической рациональностью науки и практической рациональностью реальных функционеров¹². Наконец, задача совещательности в том, чтобы фиксировать конкретные нужды общества в каждый момент времени и на каждом участке пространства, а значит, уменьшать возможность конфликта с ним из-за того или иного решения, в выработке которого общество не принимало участия и которым оно не удовлетворено. Без совещательности достичь этого довольно трудно, учитывая рост в современном мире ценностных конфликтов, практические суждения о которых носят порой весьма причудливый и трудноразрешимый характер¹³.

Новая методологическая рамка политического анализа, по мнению голландских ученых, необходима потому, что ученые должны реагировать на новые общественные реалии. Они выделяют новые проявления политики, присущие совещательной демократии, называя их «вызовами» для аналитика и отмечая, что их недостаточно изучать традиционными методами, для их исследования нужен новый взгляд и новый анализ. Таких новых проявлений они выделяют пять. Среди них: появление новых пространств политики и новых возможностей политического действия; радикальная неопределенность, под влиянием которой находятся политический курс и принятие политических решений; высокая значимость различий для понимания политического; действие в осознании взаимозависимости групп и проблем; и, наконец, возросшая связь процесса принятия политических решений с динамикой доверия политическим институтам и динамикой идентичности.

Появление новых политических пространств и новых возможностей политического действия вызвано тем, что власть в современном демократическом государстве теряет свой прежний формат закрытой вертикали, институционализированной и унифицированной. В совещательной демократической практике граждане и общественный сектор присутствуют

¹² Deliberative Policy Analysis. Understanding Governance in the Network Society (Theories of Institutional Design) / ed. by M.A. Hajek, H. Wagenaar. Cambridge University Press, 2003. P. 19.

¹³ Ibid. P. 22.

не как среда, в которой (или даже – в интересах которой) действуют государственные служащие. Напротив, они участвуют в этой работе как активный субъект. Оказывать влияние на процедуры и решения, которые в противном случае носили бы бюрократический и закрытый характер, позволяет обществу использование механизмов СМИ¹⁴.

При снижении популярности традиционных форм политического участия изменяется структура вовлеченности граждан в политическую деятельность. Общество в целом в повседневной жизни граждан становится более «политизированным». Появление новых сегментов политического влияет не только на содержание политического процесса, но и на изменение его правил и норм. Помимо традиционных форм политического участия граждане начинают оценивать и другие формы своей деятельности, взаимодействия с другими группами, те или иные формы общественной активности и самоидентификации, как имеющие политический смысл.

Одной из таких новых норм становится радикальная неопределенность, характеризующая политический курс и принятие политических решений. Долговременное рациональное планирование, централизация, иерархическое регулирование в качестве моделей для анализа политических решений утрачивают долю эффективности. Становится очевидно, что политический деятель уже не может в одиночку и безусловно формировать политическое пространство, оно теряет «жесткость», становится принципиально неопределенным. На первый план выдвигается общество – как активная и самообучающаяся система, которая оказывает влияние на формирование и реализацию политической стратегии.

Для понимания новой общественной системы важно, что внутри нее возрастет роль различий, важных для политики. Это касается не только возрастания числа проблем и их большей комплексности, но и числа групп, заинтересованных в разных вариантах решения этих проблем. Проблемы, которые раньше можно было рассматривать в качестве культурных (языковые, национальные, этнические, различия жизненных укладов), переходят на политический уровень. Важно то, что теперь реализация политических решений требует учета этих различий, «перевода» политической лексики в разные, доступные разным группам, форматы.

Оборотной стороной в данном случае является то, что в обществе повышается понимание взаимозависимости групп и проблем. Это как бы вновь «скрепляет» общество, которое усилившееся понимание различий делает гетерогенным. Люди осознают, что, несмотря на различия, они должны делить одно и то же пространство, что они одинаково страдают от одних и тех же социальных, экономических, национальных, природных и других проблем, которые невозможно решить отдельно в каждой группе. Роль этого фактора лишь увеличи-

¹⁴ Deliberative Policy Analysis... P. 8–11.

вается, когда легитимность государственной власти снижается: важность коммуникации и взаимодействия повышается пропорционально этому снижению¹⁵.

Наконец, в обществе обнаруживается связь принятия политических решений с динамикой доверия политическим институтам и динамикой идентичности. По мнению голландских ученых, этот фактор стал значимым в политической жизни Европы после Второй мировой войны. Если до этого властная легитимность и общественная идентичность поддерживались ритуалами и традициями (в частности, ритуалами и традициями доверия правящим домам), то изменение политической карты мира, смена режимов и массовизация СМИ сделали этот механизм менее действенным.

Названные особенности современной демократии, характеризующей развитое современное (сетевое) демократическое общество, можно в сравнении с традиционной формой реализации демократии в общем виде представить в форме следующей таблицы:

	Традиционная форма управления	Совещательная форма
Механизм политического управления	Управление силами государственной вертикали	Управление не внешней иерархической структурой в интересах общества, а его собственными силами
Характер формирования политического курса и принятия решений	Направления развития государства формируются лидером, обществу предоставляются как определенная стратегия	Политическое пространство формируется не как лидерская стратегия; в этом участвует общество – активная самообучающаяся система
Механизмы групповой идентификации в обществе	В обществе осознаются культурные, национальные и иные различия, но сфера политики к ним нечувствительна	Культурные и иные проблемы нуждаются в переводе на язык политики и решении их в поле политического
Механизмы общественной интеграции	Общество стремится к объединению в гомогенную политическую нацию	Рост понимания связей разнородных групп внутри общества. Различия сосуществуют в общем пространстве
Тип легитимности режима и принимаемых им решений	Механизмы легитимности укоренены в истории и связаны с существующими традициями	С ослаблением традиционных механизмов легитимности принятие решений связано с динамикой доверия институтам и идентичности

Приведенные параметры оценки современной формы демократии можно применить для оценки российской политической коммуникации. Это позволит исследователю поставить ряд проблемных вопросов и ответить на них. Во-первых, можем ли мы на основе анализа событий 2012 г. говорить о наличии коммуникативного типа действия в ходе протестов в Москве? Во-вторых, можем ли мы говорить о наличии запроса на подобного рода комму-

¹⁵ Можно отметить, что это корреспондирует с известной идеей Ханы Арендт о «сообществах действия», способных самостоятельно достичь приемлемого для всех определения проблемы и способов ее решения. См.: Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни.

никативные действия в более широком общественном контексте – вне протестного политического поведения? Напротив, возможно ли говорить о разобщенном, не готовом к диалогу сообществе? Названные параметры оценки политической коммуникации могут помочь с оценкой самопрезентации участников протестного движения. Проводя сравнение коммуникативных стратегий митингующих и активистов, с одной стороны, и российских граждан, не принимающих участия в митингах, с другой, мы можем выяснить, в какой мере обе стратегии окажутся поддерживающими друг друга, а в какой – противоречивыми. Это позволит оценить потенциал протестного движения в России, а также ответить на вопрос, можно ли было предсказать его начало, и какова его дальнейшая судьба.

Размытый портрет с «прекрасными лицами»

Можно ли было предсказать протестное движение заранее? Находили ли эксперты какие-то признаки, которые хотя бы задним числом можно считать индикаторами нарастания общественного недовольства? Исследование социологических данных дает однозначный ответ: всплеска социальной активности ничего не предвещало.

Действительно, выборы в Государственную Думу Российской Федерации 4 декабря 2011 г. заранее привлекли к себе внимание из-за так называемой «рокировки власти». Заявление Дмитрия Медведева на съезде партии «Единая Россия» 24 сентября о выдвижении от партии на пост президента Владимира Путина, и встречное заявление Путина о поддержке кандидатуры Медведева на пост премьер-министра, вызвало заметную реакцию оппозиционно настроенных кругов. СМИ цитировали заявления политиков и экспертов о том, что рокировка оскорбительна для российских граждан. В то же время, по оценкам ВЦИОМ, к подобному повороту событий посчитали себя готовыми 55% россиян (опрос 1–2 октября 2011 г.)¹⁶. Также, по оценкам ВЦИОМ, большого влияния на рейтинги лидеров государства эта новость не оказала, а протестный потенциал (готовность выйти на митинг в своем городе) в первую неделю октября даже упал (по сравнению с апрелем того же года), и составлял 26%. По данным социологов, в начале октября признавало возможность протестных выступлений в своем городе лишь 40% опрошенных¹⁷.

Политическую обстановку в стране в начале декабря люди оценивали более оптимистично, чем в течение всех других месяцев года (за исключением марта, с почти равной оценкой). Число людей, оценивающих нынешнюю политическую обстановку в России как очень хорошую, хорошую или среднюю, практически в 4 раза превышало число тех, кто счи-

¹⁶ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1859 от 10.10.2011 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112041>>

¹⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1857 от 7.10.2011 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112038>>

тал эту обстановку плохой или очень плохой¹⁸. При этом 28 ноября (за неделю до выборов) на вопрос о том, считают ли граждане возможными массовые выступления в своих городах против падения уровня жизни в защиту своих прав, лишь 23% ответили, что считают их вполне возможными, а 68% назвали это маловероятным¹⁹.

Первые дни после выборов дали понять: Москва является «выбывающимся случаем», не вписывающимся в социологические тренды. Первым резонансным массовым выступлением оппозиции стал митинг 5 декабря 2011 г. на Чистых прудах в Москве, на который, по экспертным оценкам, собралось более 5 тыс. человек. Несмотря на то, что окончательные результаты выборов еще не были обнародованы (это произошло 9 декабря; согласно закону, окончательные результаты должны были быть обнародованы в срок до 24 декабря 2011 г.), на основе предварительных подсчетов, а также комментариев наблюдателей о зафиксированных ими нарушениях, этот оппозиционный митинг собрал значительное число участников.

Впервые после принятия соответствующего законодательства на санкционированном митинге число участников превысило согласованное. Эксперты также заявили: подобного числа митингующих российская столица не собирала с 1991 г. В ходе митинга участники совершили еще один «прорыв» – решили двинуться в сторону ЦИКа, что не было согласовано, впоследствии несколько сотен человек были задержаны. Эта акция протеста тут же получила в СМИ наименование «самой массовой за последние годы», с предварительной оценкой числа участвующих 1,5–7 тыс. человек²⁰. И все же, согласно социологическим данным, даже после этого громкого митинга большинство россиян были уверены, то прошедшие парламентские выборы ничего не изменят ни в жизни страны (64%) в целом, ни в их собственной жизни (72%)²¹.

Однако уже через пять дней, 10 декабря, массовая акция – шествие и митинг до Болотной площади, существенно превзошла этот показатель численности²². Мобилизация потенциальных участников осуществлялась посредством социальных сетей: в Фейсбуке и Вконтакте пользователями были созданы специальные группы, от имени которых рассылались приглашения к участию в митинге. Количество пользователей, выразивших готовность участвовать в митинге на страничках социальных сетей, менее чем за сутки превысило 50 тыс. человек. В результате корректировки митинг был согласован на 30 тыс. человек

¹⁸ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1898 от 2.12.2011 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112123>>

¹⁹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1894 от 28.11.2011 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112101>>

²⁰ Тысячи человек пришли на митинг к Чистым прудам. Lenta.ru <<http://lenta.ru/news/2011/12/05/meet/>>

²¹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1911 от 19.12.2011 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112204>>

²² Протестные акции, а также акции сторонников правительства проходили и между этими датами, как в Москве, так и в других городах России. Их описание, и даже полноценная летопись гражданского подъема 2011–2012 гг. – отдельная задача. Мы рассмотрим лишь отдельные акции их произошедших.

на Болотной площади (вместо 300 человек, как было заявлено организаторами для согласования изначально). Это стало официальной причиной переноса места проведения митинга с Площади Революции и вызвало разлад внутри лидеров оппозиции – часть из них настаивала на проведении митинга на первоначальном месте и восприняла согласие другой части на предложенное властями города место (Болотную площадь) как предательство общих интересов. Тем не менее общественную поддержку митинга разногласия внутри группы организаторов не ослабили, митинг собрал, по разным оценкам, от 85 до 150 тыс. человек. Наблюдатели отмечали, что в митинге и шествии участвовали самые разные общественные и политические силы: коммунисты и справедливоросы выступали наряду с монархистами, анархистами, либертарианцами, экологами и другими.

Успех способствовал укреплению лидеров оппозиции, и на 24 декабря был согласован еще один масштабный митинг. На этом митинге, помимо участников, уже действовали исследовательские группы, чье внимание было привлечено новым феноменом общественной активности. Это дает возможность точно восстановить социологический портрет участников митингов, а также реконструировать их политические предпочтения и ориентиры.

По данным ВЦИОМ²³, на митинге 24 декабря 2011 г. «За честные выборы» (собрал, по разным оценкам, от 29 до 130 тыс. участников), около 2/3 из пришедших были мужчинами. 45% участников – люди в возрасте от 25 до 44 лет, и лишь 17% – от 18 до 24 (студенческий возраст; впрочем в качестве «студента» себя определили только 10% участников митинга). О своем высшем и незаконченном высшем образовании заявили 70% участников митинга. Многие определяли себя как «специалистов с высшим образованием», т.е. уже работающих по специальности (49%).

Из пришедших на митинг 81% участвовали в выборах в Государственную Думу Российской Федерации; из них чуть больше половины голосовали за оппозиционные партии. Соответственно, причиной участия в митинге стало несогласие с результатами выборов (32%). Другие важные «протестные» причины – протест против властей (15%) и против «лжи и беспредела» (9%). Такой мотив как стремление высказать активную гражданскую позицию отметили 12% участников митинга. Среди лозунгов, звучавших на митинге, наибольшее одобрение участников вызвал «За свободные, честные и справедливые выборы» (37%). Содержание этого призыва можно скорректировать на основе других популярных лозунгов: «Долой Путина!» (25%), «Отменить результаты выборов!» (19%), «Долой Чурова!» (9%), «Долой жуликов и воров!» (7%), «Путин вор» и т.д. Большинство опрошенных сообщили также, что планируют поддержать следующий подобный митинг (89%)²⁴.

²³ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1917 от 27.12.2011. <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112274>>

²⁴ Там же.

Согласно данным общероссийского опроса, проведенного месяц спустя, более трети опрошенных (35%) поддерживали митинги против нарушений на выборах, в том числе 11% выразили готовность участвовать в них. Не одобряли подобные выступления 24%, причем 19% все же отметили, что люди имеют право в них участвовать²⁵.

Следующий громкий митинг состоялся на Болотной площади 4 февраля 2012 г., за месяц до выборов президента. По разным данным, митинг и шествие собрали от 36 (данные МВД) до 120 тыс. (данные организаторов) участников²⁶. Социологи посчитали, что среди участников акции преобладали мужчины (71%) моложе 45 лет (71%), высокообразованные (56%), со средним (56%) или высоким материальным положением (27%). Для большинства это был не первый митинговый опыт: те, кто был на митинге на Болотной площади 4 февраля, в большинстве своем присутствовали там же 10 декабря (58%) и на проспекте Сахарова 24 декабря (72%). Так же, как и в декабре, наибольшей поддержкой пользовались лозунги протеста: «Долой Путина! Россия без Путина!» (47%). На втором месте – «За честные, справедливые выборы!» (16%)²⁷.

Практически все опрошенные участники оппозиционного митинга ответили отрицательно на вопрос о том, будут ли честными президентские выборы. При этом 47% респондентов все же посчитали, что нарушения будут незначительными и не повлияют на исход выборов. Более половины (57%) считали необходимым диалог между властью и обществом, и лишь 29% пришедших считали, что оппозиция не должна вступать в переговоры с властью. 82% пришедших отметили, что на прошедших выборах они участвовали в голосовании, при этом почти все голосовали за оппозиционные партии (лишь 3% участвовавших в выборах ответили, что проголосовали за «Единую Россию») ²⁸.

В течение недели после выборов президента в Москве прошли два оппозиционных митинга, собравших от 10 до 30 тыс. (по разным оценкам) участников, 5 марта на Пушкинской площади и 10 марта – на Новом Арбате. В целом митинги прошли мирно (на Пушкинской ОМОН прекратил несанкционированную акцию после разрешенного митинга). В том числе, активно участвовали в митингах, помимо политических сил, люди, заявившие о своем желании работать наблюдателями на выборах – для контроля за честностью процедуры²⁹. Критикам оппозиционного движения численность мартовских выступления дала повод гово-

²⁵ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1933 от 21.01.2012. <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112355>>

²⁶ См.: <<http://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/78985-mitingi-v-moskve-4-fevralya-2012-goda-onlain-translyatsiya-forbes>>

²⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1954 от 15.02.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492>>

²⁸ Там же.

²⁹ См.: <<http://www.rg.ru/2012/03/05/pushka.html>; http://www.ng.ru/politics/2012-03-11/100_protest.html>

речь о схлопывании протестного движения. Наблюдатели отметили: спикеры и многие участники митингов говорили о массовых фальсификациях, но были и те, чей опыт наблюдения свидетельствовал о народной поддержке Путина.

Социологические замеры, проведенные вскоре после мартовских выборов президента показали: 78% россиян считают итоги этих выборов полностью или в основном достоверными (44 и 34% соответственно). Также респонденты позитивно оценили меры, направленные на повышение прозрачности выборов. Так, 69% опрошенных сочли эффективной установку веб-камер на избирательных участках. Создание «Лиги избирателей» позитивно оценивают 61% (до выборов – 56%)³⁰. Митинги «За честные выборы», по данным социологов, начинают терять поддержку. Почти половина опрошенных (49%) в это время считала разговоры о необходимости пересмотра итогов президентских выборов беспочвенными; после выборов в Государственную Думу подобную позицию разделяли всего 28%³¹.

Накануне инаугурации избранного президента Владимира Путина мнение о снижении протестной активности было опровергнуто ярким событием «Марша миллионов» 6 мая 2012 г. По оценке координатора «Левого фронта», акция оппозиции собрала не меньше 100 тыс. человек, по официальным данным московских властей, на митинге присутствовали 8 тыс. человек. Марш закончился массовыми беспорядками и столкновением участников с полицией, были задержаны более 450 человек. События «Марша миллионов» переросли в то, что СМИ назвали «народными гуляниями» – организацию оппозиционного лагеря ОкупайАбай на Чистых прудах...

Оценивая общественную поддержку оппозиционных митингов в конце 2011 – первом полугодии 2012 г., можно еще раз сослаться на данные социологов: в это время доля тех, кто готов принять участие в митингах, или сопереживает им, снижается, но лишь незначительно. ВЦИОМ проводил повторяющийся опрос в двух формулировках (в декабре 2011, марте и мае 2012 г.), и распределение ответов соотносится друг с другом:

³⁰ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1977 от 15.03.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112599>>

³¹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1983 от 22.03.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112619>>

Вопрос: Есть мнение, что выборы президента прошли с серьезными нарушениями. Звучат призывы участвовать в акциях протеста, требовать пересмотра результатов голосования. Как Вы лично относитесь к подобным требованиям? (закрытый вопрос, один ответ)³²

	После выбо- ров в Госдуму, 17–18 декабря 2011 г. ³³	После выборов президента, 17–18 марта 2012 г.
Считаю их обоснованными и готов принять участие в акциях протеста за пересмотр результатов голосования	10	7
Считаю их обоснованными, но принимать участие в акциях протеста не готов	38	31
Считаю их не обоснованными, беспочвенными	28	49
Затрудняюсь ответить	23	13

Вопрос: Как Вы относитесь к митингам [оппозиции] и демонстрациям и их участникам? (закрытый вопрос, один ответ)³⁴

	17–18 декабря 2011 г.	12–13 мая 2012 г.	19–20 мая 2012 г.
Поддерживаю их, сам готов принять участие по возможности	11	7	7
Поддерживаю, но сам принимать участие в подобных акциях не готов	24	15	15
Отношусь к ним безразлично	32	35	33
Не поддерживаю, но считаю, что люди имеют право участвовать	19	29	26
Не поддерживаю и считаю, что подобные акции следует запрещать	5	10	14
Затрудняюсь ответить	9	4	5

Был задан и вопрос о том, почему со временем митинги собирают все меньше участников. Более четверти опрошенных (27%) связали это с тем, что участники не видят результатов митингов. Еще 20% выразили несогласие с тем, что протестная активность снизилась, а у 29% опрошенных вопрос вызвал затруднения с ответом³⁵.

Новый опрос конца мая позволил выявить ознакомленность и отношение россиян к новым резонансным акциям: лагерь на Чистых прудах «ОкупайАбай» (об этом слышали 54%) и «Марш миллионов» (52%). «Контрольная прогулка» с известными писателями по

³² Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1983 от 22.03.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112619>>

³³ В формулировке декабрьского опроса вопрос начинается фразой: «Наряду с митингами в поддержку результатов выборов прошло также немало акций против фальсификаций в ходе голосования, в поддержку пересмотра результатов выборов...»

³⁴ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2030 от 29.05.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112788>>

³⁵ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2024 от 21.05.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112775>>

Бульварному кольцу в Москве вызвала меньший резонанс: о ней слышали только 33%, в то время как 62% узнали об акции впервые в ходе опроса. Респонденты, информированные об акциях, главную их причину усматривают в недовольстве уровнем жизни (18%), политикой властей (17%). Меньше тех, кто считает это борьбой за справедливость (10%). Недовольством политикой Владимира Путина эти мероприятия объясняют 7%, итогами выборов – 6%³⁶.

Наконец, одна из последних громких акций лета 2012 г. – «Марш миллионов» 12 июня, в День России. По оценкам полиции, в шествии приняли участие 10 тыс., а на митинге присутствовали 18 тыс. человек. Лидеры оппозиции называли цифры от 100 до 200 тыс. человек. 15 сентября «Марш миллионов» также собрал, по разным оценкам, от 14 до 100 тыс.³⁷ участников.

Социологи отметили: к лету 2012 г. состав и установки митингующих заметно изменились по сравнению с зимой 2011–2012 гг. По данным ВЦИОМ, наибольшую активность в акциях по-прежнему проявляли мужчины (зимой – 64%, летом – 71%) и респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием (зимой – 56%, летом – 70%), однако изменился возрастной состав участников. Протестное движение помолодело: группа протестантов в возрасте до 34 лет увеличилась среди участников акции 12 июня до 65% (с 48% зимой). Половину опрошенных участников марша представляли группы «креативного класса», офисных служащих и учащейся молодежи (на митинге 4 февраля – только 30%). Наибольший отток социологи зафиксировали среди групп участников «от производства» (рабочие, ИТР), пенсионеров, государственных и муниципальных служащих.

В то же время доминирующей среди мотивов участия осталась тема недовольства политической системой, политическим развитием (42%). При этом почти для каждого пятого (18%) участие в акции – выражение гражданской позиции. Это фактор устойчивости мотивации. Нивелировалось значение темы выборов и правящей роли «Единой России». Наибольшей популярностью пользовались лозунги с критикой Владимира Путина (34%). С требованиями политической реформы и расширения политических свобод солидаризовались 15% и 13% митингующих соответственно³⁸.

Таким образом, согласно результатам измерений социологов, проводивших опросы на митингах, возрастной состав участников, их образовательные характеристики, а также политические позиции претерпели большие изменения. Притом что характер лозунгов остался похожим, нельзя с полной уверенностью говорить о том, что это был с самого начала протест «образованного», «креативного» класса или молодежный протест. Еще интереснее, что социологические данные не позволяют составить четкого представления о наличии проектив-

³⁶ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2030 от 29.05.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112788>>

³⁷ См.: <http://tvrain.ru/articles/skolko_bylo_uchastnikov_shestvija_otsenilo_kompjuternoe_zrenie-330438/>

³⁸ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2056 от 27.06.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>>

ной, футурологической повестки позитивного характера. Большинство лозунгов, с которыми готовы были солидаризироваться участники митингов и шествий, носили ситуативный протестный характер.

Общественное отношение к митингам, по замерам второй половины 2012 г., приобрело устойчивые параметры. Не более 30% респондентов считали, что в их городе, населенном пункте возможны массовые выступления. От 20 до 17% (со снижающимся трендом) готовы были лично принять в них участие³⁹. Через год после выборов, согласно опросам, общественная поддержка оппозиции в стране сократилась почти вдвое (с 40 до 27%; и лишь 10% опрошенных считали для себя возможным выйти на митинг оппозиции лично)⁴⁰.

Позволяет ли это говорить о канализации протеста в рамках ограниченного числа групп и оформлении пассивного «ядра поддержки» оппозиции, которое могло бы активно выступить в экстремальных ситуациях в ее поддержку? Или правильнее говорить о крайней размытости протестных настроений и о том, что ситуативное общественное возмущение не может считаться фактором, по-настоящему влияющим на политическую систему? На эти вопросы, имеющие непосредственное отношение к прогнозированию трендов развития демократии в России, на основе социологических данных нельзя дать однозначный ответ. Задача состоит в поиске объяснительной концепции, которая смогла бы разместить социологические данные в некоей общей «системе координат».

Мы были на Болотной и придем еще?

Развитие тенденций, показавших себя в 2012 г., можно было наблюдать на митинге 6 мая 2013 г. в поддержку так называемых «узников Болотной» – людей, задержанных за беспорядки на митинге год назад и все еще находящихся под следствием (всего по Болотному делу проходят 27 человек, некоторые из них на момент митинга были осуждены, некоторые находятся под подпиской о невыезде, но большинство содержатся под стражей).

По разным оценкам, на митинге 6 мая 2013 г. присутствовали от 8 тыс. (оценка ГУВД Москвы) до 60 тыс. (по версии организаторов) участников. Журналисты более взвешенно говорили о 20 тыс. присутствующих. Ввиду чрезвычайных событий, произошедших накануне (погиб рабочий, монтировавший сцену, и сцена и аппаратура были опечатаны для расследования), организаторам пришлось в срочном порядке разворачивать площадку для выступлений в неудобном месте. Данные о половозрастном составе на этом митинге не собирались, дальнейшая реконструкция построена на личных наблюдениях.

³⁹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2094 от 23.08.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112974>>

⁴⁰ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2188 от 13.12.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113467>>

Из-за технических ограничений новой сцены (развернутой на автоплатформе) речи, произносимые с трибуны, было невозможно услышать со сколько-нибудь значимого расстояния, так же как и увидеть оратора. Толпа солидаризировалась с трибуной, когда первые ряды подхватывали лозунги «Свободу политзаключенным!», «Они с нами!» и «Позор!» – в ответ на напоминания о жестокости полицейских. Лозунги, звучавшие с трибуны и поддержанные участниками, были связаны с освобождением «узников 6 мая». Примечательно, что эти слова поддержки новым политзаключенным вызвали реакцию в более яркой форме, чем прогнозы ведущих митинга о скором падении режима. Ораторы не ограничивались тем, что клеймили действующий режим позором. Была и футурологическая повестка, но также нельзя сказать, что она получила значимую поддержку. Так, со сцены говорили о выдвижении кандидатов на выборах губернатора Московской области, вообще о необходимости участия в кампании в Мосгордуму.

Что касается поведения участников митинга, то те из присутствующих, кто не мог слышать выступающих на митинге, зачастую не стремились пройти ближе к сцене. «Мы и так все знаем, что они скажут» (мм, 45+). В толпе люди мотивировали свое участие очень размытыми аргументами, от экономических до правозащитных: «Не пойми чего творится, поэтому всем надо выходить, никто не должен дома отсиживаться» (м, 45+). «Спокойно нельзя наблюдать за тем, что творится в нашей стране... мы видим рост репрессий в отношении нормальных и трудолюбивых граждан» (м, 20+). «Нас приучают к мысли, что люди – это пыль под ногами олигархов. Можно любого схватить и посадить» (м, 45+). «Жить стало невозможно. Зарплата маленькая, денег на двоих детей уходит много. А нам постоянно лгут, что жить с каждым днем все лучше. Надоело это» (ж, 30). «Очень хорошо, люди неравнодушны» (ж, 30). «Обязательно сейчас будут провокации, но не нужно их бояться (ж, 30+).

Отличительной особенностью этой акции стало также и почти полное отсутствие партийных флагов. Принесенные с собой знамена некоторые активисты не стали разворачивать. Немного было и белых лент. Так же, как и год назад, под своими флагами присутствовали представители радикальных националистических движений. По личным оценкам, складывалось впечатление, что митинг все же не обрел единого политического лозунга (как в прошлом году). Еще одна деталь: в отличие от прошлого года, когда колонны пестрили смешными или креативными плакатами, самодельными объектами, в этом году замечены были только единицы таких примеров. Этот митинг скорее можно назвать презентационным (люди вышли сказать «мы есть», в защиту базовых прав – на жизнь, свободу, достойное существование), а не гражданским.

И все же, этот митинг был схож с теми, которые прошли на рубеже 2011–2012 гг. Он так же, как и первые из прошлогодней серии, был мирным, спокойным, допускавшим

близкое соседство и открытое представительство интересов разных групп. Также характеризовался разнородностью участников и «текучестью» их состава. Так что, протестная тенденция не угасла? Возможно ли, что она вновь обретет силу?

Для ответа на этот вопрос мы предпримем попытку наложить основные точки, выделенные учеными как ключевые для совещательной демократии, на социологические количественные замеры и массивы качественных данных. Она позволит сделать обоснованные предположения о том, насколько тип коммуникативного дискурса, характеризующий совещательную демократию, может быть диагностирован в современной России. Попробуем найти в российской политике последних лет индикаторы, свидетельствующие о присутствии этого типа политического дискурса.

Первой переменной для оценки стали представления о механизмах политического управления: не только посредством государственной вертикали, а с широким привлечением общества. По данным социологов, митинговый квартал показал: в России до сих пор общество вмешивается в формирование политической повестки только в форме разовых массовых акций. Опросы участников митингов свидетельствуют, что участники рассчитывают на немедленный, «чрезвычайный» эффект, а не на реформирование системы. Так, исследования НИУ ВШЭ показали, что молодежь, участвовавшая в митингах, впоследствии испытывала разочарование из-за отсутствия немедленных действий⁴¹. Данные опросов на оппозиционных митингах свидетельствуют, что участники оппозиционных митингов в принципе отчуждены от власти. В качестве целей своего участия в митингах они называют не участие в управлении, а прекращение несправедливости⁴². К похожим выводам склоняют приводимые ранее данные ВЦИОМ о преобладании «протестных» лозунгов над «конструктивными». Также, на опросах в мае, 27% респондентов были убеждены, что «митинги ничего не меняют».

Второй переменной для индексации, показывающей запрос на совещательную демократию, является характер формирования политического пространства не в виде лидерской стратегии, а как вектор движения различных сил общества. Социологи НИИ Митингов, проводившие глубинные интервью в ходе массовых акций, утверждают: недостаточная артикулированность целого ряда «больших» социальных и политических тем в публичных дебатах последнего десятилетия, равно как и слабость местных (районных, городских) сетей коммуникации и солидарности, не способствовали формированию общедоступного корпуса политических очевидностей. Единственное исключение, замеченное и на митинге, – «Наше мне-

⁴¹ Касамара В., Сорокина А. Российские студенты: взгляды на протестную активность и гражданское общество // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. М., 2012. С. 309–332.

⁴² Соболева И. Отличается ли электорат Путина от сторонников оппозиции?

<http://slon.ru/russia/otlichaetsya_li_elektorat_putina_ot_storonnikov_oppozitsii-936938.xhtml>

ние ни на что не влияет». Следствием этого стало то, что для участников митинга смысл собственного участия в акции определялся не до выхода на улицу, а прямо в митинговом процессе⁴³. Вывод: массовые митинги не были связаны ясной социальной повесткой и не произвели нового политического единства, оформленного в социальном (классовом) представительстве⁴⁴.

Третья переменная индексации – групповая идентификация (религиозная, национальная, культурная), которая начинает осмысляться как политически значимая. Социологи утверждают: в современной России нет (за редким исключением) мест коллективного действия, помимо митингов и уличных лагерей. Исключения – движение наблюдателей и движение муниципальных депутатов – не показательны, так как их «ядерный состав» зачастую состоит из традиционных активистов или медийных фигур⁴⁵. Более того, на развитие механизмов солидарности митингующие не ориентированы. Религиозная принадлежность в указанный период выступила как политически значимый маркер, но вне митингового лагеря – во время процесса над участницами панк-группы Pussy Riots. В том числе, это проявилось в дальнейшем в работе над законопроектом об оскорблении чувств верующих – в институциональное оформление сближения церкви и государства была внесена новая строка. Конечно, в ходе митингового движения активность националистических, монархических сил также присутствовала, но ее сложно связать с новым прорывом этих идей в политическое пространство. Радикальные группы, как правило, сформировались до митингового квартала, и их присутствие там, несомненно ситуативно-заметное и дававшее медиаповоды СМИ, все же не затрагивало большинства митингующих⁴⁶.

Следующая переменная, уровень которой нужно определить, – это существующие механизмы общественной интеграции. При взгляде на участников протестных митингов представляется, что оппозиционное сообщество солидаризировано. Так, две трети участников мероприятия 4 февраля пришли на него с друзьями и знакомыми (69%), в то время как 23% опрошенных сообщили, что участвуют в акции в одиночку⁴⁷. Однако это впечатление меняется, если рассмотреть сообщество митингов в поддержку Владимира Путина, проходивших в тот же временной отрезок. Там, согласно данным экспертов, превалирует другая тенденция – одиночество в толпе⁴⁸. Для лоялистски настроенной части общества, проявляющей активную политическую позицию посредством участия в митинге в поддержку национального

⁴³ Бикбов А. Указ. соч. С. 130–163, 137–138 <http://niimitingov.files.wordpress.com/2013/02/bikbov_fnt.pdf>

⁴⁴ Там же. С. 159.

⁴⁵ Там же. С. 139.

⁴⁶ Там же. С. 150.

⁴⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1954 от 15 февраля 2012 г. <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492>>

⁴⁸ Соболева И. Указ. соч.

лидера, характерна как внутренняя дезинтеграция, так и убежденность в том, что призывы оппозиции к единству являются не более чем риторической стратегией или политической фикцией⁴⁹. Анализ оппозиционного протеста также позволяет уточнить: для большинства митинги не стали местом формирования новых связей (в отличие от уличных лагерей, где это все же происходило), более крепких, чем ситуационное эмоциональное единение. Протестное коллективное действие носит лишь ситуативный прагматический, а не рефлексивный характер⁵⁰.

Наконец, последний вопрос, который нужно затронуть в связи с изучением перспектив совещательной демократии, это тип легитимации власти у участников оппозиционных митингов. Как было отмечено ранее, оппозиционные митинги преимущественно строились вокруг негативной повестки. Лозунги формата «Путин уходи!», а также призывы «против» политической системы и результатов ее функционирования в разы превалировали над всеми попытками создать проективную повестку. Такие попытки в редких случаях исходили от организаторов и не получали заметной поддержки участников. Даже во второй фазе митингов, когда политическая повестка сменилась социальной, переход к позитивной программе, по мнению экспертов, лишь внесет раскол в ряды митингующих⁵¹. В отличие от западных движений Окупай, сплоченных социальной повесткой, российский митинговый квартал выявил нехватку продуктивной футурологической повестки.

Каков итог?

Итак, беглая попытка использовать концепцию совещательной демократии применительно к протестным событиям в электоральном цикле 2011–2012 гг. свидетельствует о том, что она технически вполне применима для того, чтобы объяснять и предсказывать политические процессы в России, так же, как и в странах Европы. Пока мы привели лишь краткое описание того, как ее можно применить, и перспективным представляется продолжение работы в этом направлении: накопление эмпирических сведений, изучение новых социологических отчетов, описаний практик включенного наблюдения и взятых интервью.

Конечно, нельзя полностью умолчать о том, что существует критика этой концепции, основанная именно на попытках перевода теоретической модели в практическую плоскость. Так, критики отмечают ограниченность возможностей совещательного форума в качестве метода принятия решений: в современных условиях он становится слишком затратным инст-

⁴⁹ Касамара В., Сорокина А. Указ. соч. С. 309–332.

⁵⁰ Бикбов А. Указ. соч. С. 130–163 < http://niimitingov.files.wordpress.com/2013/02/bikbov_fnt.pdf >

⁵¹ Динамика протестной активности: 2012–2013. Доклад Лаборатории О. Крыштановской.

рументом для повседневного использования⁵². Разве не о том же говорит и угасание лагерей Окупай по всему миру? После решения актуальных вопросов митингующие вернулись в русло конвенциональной политики.

Но снизив идейный пафос и разложив коммуникацию на параметры для оценки конкретных проектов и решений, операционализовав теорию, мы получили научный результат, который является вполне приемлемым для дальнейшего использования. Да, мы должны признать, что во всем мире заметные и зрелые проявления политической коммуникации как выражения гражданской активности являются ситуационными. Митинговое начало не стало платформой для стабильного процесса гражданского вмешательства в политику нигде в мире. Но в России общая среда для политической коммуникации, которая могла бы сделать и ситуационные проявления ярче, чрезвычайно разрежена. И это делает наши шансы на появление в будущем стабильных форм, действующих в логике совещательной демократии, чрезвычайно низкими.

⁵² Parkinson J. *Deliberating in the Real World*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 134.

Литература

1. Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012 г.) // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 130–163.
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуски < <http://wciom.ru/press-releases/>>
3. Динамика протестной активности: 2012–2013: доклад Лаборатории О. Крыштановской.
4. Касамава В., Сорокина А. Российские студенты: взгляды на протестную активность и гражданское общество // *Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия*. М., 2012. С. 309–332.
5. Соболева И. Отличается ли электорат Путина от сторонников оппозиции? <http://slon.ru/russia/otlichaetsya_li_elektorat_putina_ot_storonnikov_oppozitsii-936938.html>
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
7. *Deliberative Policy Analysis. Understanding Governance in the Network Society (Theories of Institutional Design)* / ed. by M.A. Hajer, H. Wagenaar. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. Miller J. Will Extremists Hijack Occupy Wall Street? // *The New York Times*. 2011. October 25.
9. Parkinson J. *Deliberating in the Real World*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Препринт WP14/2013/06
Серия WP14
Политическая теория
и политический анализ

Быкова Валентина Александровна

**К исследованию возможностей трансформации протестного движения
в эффективную политическую коммуникацию (на материалах 2011–2012 гг.)**